

## ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**В.С. Мясников\***

### К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И КНР

В 2009 г. исполняется 60 лет с момента образования КНР и установления советско-китайских дипломатических отношений. В статье, посвященной этой исторической дате, дается оценка начальному этапу истории взаимоотношений КНР и СССР, завершившемуся подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Статья содержит подробный анализ визита Мао Цзэдуна в Москву и процесса заключения пакета двусторонних соглашений. Особое внимание уделено рассмотрению основных направлений успешного советско-китайского экономического сотрудничества в 1950-х — начале 1960-х гг.

**Ключевые слова:** советско-китайские отношения, Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, принцип равноправия, экономическое сотрудничество, стратегическое партнерство.

This year marks the 60<sup>th</sup> anniversary of the foundation of the People's Republic of China and the establishment of diplomatic relations between the PRC and the USSR. The article dedicated to this historical event explores of the initial phase of the Sino-Soviet relations' history completed by signing the Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance. The article contains an in-depth analysis of Mao Zedong's visit to Moscow and tracks the process of signing the package of bilateral agreements. A special attention is given to the examination of the main dimensions of effective Sino-Soviet economic cooperation during the 1950s and early 1960s.

**Key words:** Sino-Soviet relations, Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance, principle of equality, economic cooperation, strategic partnership.

В китайском языке есть выражение “шуан си линь мэнь” — “двойная радость”, как правило, — это одно из новогодних или свадебных благопожеланий. О нем уместно вспомнить в этом году, когда мы отмечаем двойной юбилей — 60-летие со дня создания

---

\* Мясников Владимир Степанович, академик РАН, д.и.н., профессор, советник РАН, Институт востоковедения РАН (e-mail: vsmyasnikov@yandex.ru).

КНР и 60-летие установления дипломатических отношений нашей страны с Народным Китаем. Кроме того, 60 лет — это заверченный цикл традиционного китайского календаря, следующий год — начало нового цикла, обновление.

Победа китайской революции, к которой народ этой страны шел несколько десятилетий<sup>1</sup>, стала одним из важнейших событий мировой истории XX столетия [16]. После провозглашения Китайской Народной Республики Советское правительство первым признало Народный Китай. 1 октября 1949 г. министр иностранных дел Чжоу Эньлай направил советскому генеральному консулу в Пекине С.Л. Тихвинскому письмо [13, с. 187], к которому была приложена Декларация Центрального народного правительства Китая, извещавшая об образовании КНР и желании установить дипломатические отношения с иностранными государствами [13, с. 186–187].

Ответ из Москвы не пришлось ждать долго. Уже 2 октября 1949 г. в Пекине была получена подписанная заместителем министра иностранных дел А.А. Громыко телеграмма, в которой говорилось: “Рассмотрев предложение Центрального народного правительства Китая, Советское правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное народное правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Народной Республикой Китая и обменяться послами” [13, с. 188]. Первым послом СССР в КНР был назначен Н.В. Рошин, опытный дипломат, с 1948 г. представлявший интересы Советского Союза при национальном правительстве Китая.

Следует заметить, что тот период советско-китайских отношений, когда победа китайской революции близилась, но все еще ковалась в огне гражданской войны, порождал в нашей стране странные слухи. Советский народ, преисполненный сочувствия к борющемуся народу Китая и радовавшийся его славным победам, поговаривал, что это, мол, наверное, маршал Г.К. Жуков так успешно воюет в Китае, скрываясь под именем Чжу Дэ. Наверное, такие суждения порождались воспоминаниями о том, как маршал В.К. Блюхер в свое время помогал делу китайской революции [4].

Другая версия, явно фальсифицировавшая историю советско-китайских отношений того же периода, возникла в мемуарной литературе и публицистике КНР уже в начале 1990-х гг. Китайские

---

<sup>1</sup> К определению длительности этого периода имеется несколько подходов. Иногда за начало его берут Тайпинское восстание (1850–1864), иногда Синьхайскую революцию (1911–1913).

авторы пытались утверждать, что советские руководители якобы “безразлично и скептически” относились к КНР и КПК, поскольку считали, что Китай “пойдет по пробританскому и проамериканскому пути” [15, с. 132].

В свою очередь в американских работах появились утверждения, будто бы И.В. Сталин, опасаясь американской интервенции, не советовал Мао Цзэдуна отдать приказ соединениям Народно-освободительной армии Китая о форсировании весной 1949 г. р. Янцзы и даже якобы полагал, что можно “согласиться с разделом страны” [15].

Задержка в форсировании р. Янцзы действительно произошла, но была связана отнюдь не с “кознями” Москвы. В тот период правительство Чан Кайши, потерпев поражения на фронтах, решило 1 января 1949 г. перейти в “мирное наступление”, используя для этого дипломатию двусторонних переговоров. Руководство Компартии Китая пошло на переговоры с Гоминьданом, выдвинув ряд условий, перечисленных в декларации Мао Цзэдуна от 14 января 1949 г. Но тезис о необходимости наказания военных преступников во главе с Чан Кайши не устраивал гоминьдановскую сторону. Даже некоторое смягчение позиции руководства КПК не привело к соглашению. Переговоры закончились безрезультатно, и 22 апреля 1949 г. Мао Цзэдуна и Чжу Дэ отдали приказ вооруженным силам НОАК начать генеральное наступление и форсировать р. Янцзы. 24 апреля пала столица республиканского Китая — Нанкин [8, с. 270–271].

В том, что упомянутые высказывания китайских и американских авторов, мягко говоря, не соответствовали действительности, можно убедиться, обратившись к архивным документам. Академик С.Л. Тихвинский опубликовал переписку И.В. Сталина и Мао Цзэдуна, происходившую как раз во время подготовки переговоров между руководством КПК и Гоминьданом в январе 1949 г. Приведем лишь отрывок из письма Мао Цзэдуна И.В. Сталину от 14 января, чтобы все встало на свои места: “Я был рад получить Вашу дополнительную телеграмму от 11 января. В основном курсе (срыв широких переговоров с Гоминьданом, продолжение революционной войны до конца) *мы с Вами совершенно едины* [курсив наш. — В.М.]. Сегодня мы опубликовали 8 условий, при которых мы согласны вести мирные переговоры с Гоминьданом. Эти условия выставлены против тех 5 реакционных условий, которые 1 января Чан Кайши выставил в своем мирном предложении”.

Единство подходов И.В. Сталина и Мао Цзэдуна к завершающему этапу революционной войны подчеркивалось и в ответной телеграмме советского лидера от 15 января 1949 г.: «Товарищу Мао Цзэдуна. Мы только что получили Вашу небольшую последнюю телеграмму, из которой видно, что между нами *установилось единство взглядов* [курсив наш. — В.М.] по вопросу о мирном предложении нанкинцев

и что компартия Китая уже начала “мирную” кампанию. Значит, вопрос надо считать исчерпанным» [15, с. 138–139].

Конец 1940-х гг. был весьма сложным периодом в истории международных отношений, который характеризовался резким обострением “холодной войны” и откровенным атомным шантажом со стороны американского руководства. Советский Союз, прилагая колоссальные усилия для скорейшей ликвидации последствий разрушительной войны с гитлеровской Германией, одновременно осуществлял сложную, требовавшую огромных средств программу обеспечения ядерного равновесия между двумя социально-политическими системами. Наряду с решением этой жизненно важной для судеб страны задачи СССР, первым признав Народный Китай, без колебаний взял на себя новые обязательства, связанные с закреплением победы китайского народа путем разносторонней поддержки. В лице Советского Союза новый Китай обрел надежного друга и союзника в борьбе за восстановление народного хозяйства, упрочение своих международных позиций, ликвидацию экономической отсталости и построение социалистического общества. Благодаря этому попытки империалистических держав, в первую очередь США, изолировать КНР и установить жесткую экономическую блокаду нового государства оказались безуспешными.

В конце декабря 1949 г. в Москве отмечалось 70-летие И.В. Сталина. Мао Цзэдун прибыл в Москву, будучи приглашенным на предстоящие торжества [1, с. 84–86; 18, с. 140–142]. Вопрос о его визите в СССР неоднократно обсуждался в переписке с И.В. Сталиным в 1948–1949 гг. [10, с. 382–412]. Тогда в связи с необходимостью обсудить весь комплекс советско-китайских отношений в Китай был направлен с закрытым визитом А.И. Микоян [13, с. 33–93], летом 1949 г. Москву посетил Лю Шаоци [13, с. 148–176].

Отношение Мао Цзэдуна к И.В. Сталину было весьма непростым. Китайского лидера раздражала опека со стороны советского генсека и Коминтерна революционного движения в Китае. Он не мог простить И.В. Сталину, что во время Сианьских событий в декабре 1936 г. тот помешал ему расправиться с Чан Кайши и вообще считал, что СССР не следовало Чан Кайши поддерживать, если существует Мао Цзэдун [О позиции Коминтерна по “китайскому вопросу” и роли И.В. Сталина см.: 7, с. 148–154, 276, 283, 286–293<sup>2</sup>]. А И.В. Сталин заключил в 1945 г. с Чан Кайши договор, по которому

---

<sup>2</sup> Авторы этого труда пришли к выводу, что “как до выступлений Сталина, так и после них Коминтерн проводил в Китае единственно правильную для того времени политику единого национального антиимпериалистического фронта с участием национальной буржуазии. Никаких существенных фактических изменений в китайскую политику Коминтерна выступления Сталина не внесли” [7, с. 291].

Монгольской Народной Республике (МНР), или Внешней Монголии, по терминологии Мао, предоставлялось право на самоопределение путем плебисцита. Между тем Мао Цзэдун считал, что, “когда народная революция в Китае победит, Республика Внешней Монголии автоматически станет частью Китайской федерации по собственному желанию” [22, р. 121]. К этой теме он обратился и во время его бесед с А.И. Микояном, посетившим по просьбе Мао Цзэдуна Освобожденный район Китая в январе—феврале 1949 г. Но представитель Москвы ответил, что советское руководство не поддерживает его идею, так как МНР давно уже является независимым суверенным государством [13, с. 66—67].

При всем том Мао Цзэдун публично восхищался советским лидером. Какие успехи достигнуты под его руководством! Разгромлена Германия, повержена Япония! И.В. Сталин расправился со своими противниками и соперниками внутри страны. Мао хорошо знал о массовых репрессиях в СССР в 1930-х гг., изучил этот опыт и применял его у себя. Свое восхищение он выразил в статье “Сталин — друг китайского народа”, опубликованной 20 декабря 1939 г. к 60-летию генерального секретаря КПСС. Мао Цзэдун тогда писал: “Чествовать Сталина — это не значит лишь приносить ему свои поздравления. Чествовать Сталина — это значит стоять за него, за его дело, за победу социализма, за тот путь, который он указывает человечеству, стоять за своего близкого друга. Ведь сейчас огромное большинство человечества живет в муках, и только путь, указываемый Сталиным, только помощь Сталина может избавить человечество от бедствий” [9, с. 423].

Тогда к визиту Мао Цзэдуна в Москву западная пресса попыталась создать неблагоприятный фон. Так, еще весной 1949 г. Эдгар Сноу — американский журналист, близкий к Государственному департаменту, — опубликовал в одном из шанхайских журналов статью под кричащим заголовком: “Станет ли Китай русским сателлитом?” Он писал: “Только одна Китайская компартия во всем мире имеет сегодня в качестве лидера человека, никогда не бывавшего в России; он является единственным коммунистическим вождем, исключавшимся некогда из партии, и не один, а несколько раз, но остававшимся у власти несмотря на приказ Коминтерна о его удалении. Мао является единственным коммунистическим лидером, помимо Тито, открыто критиковавшим московских агентов; личность Мао Цзэдуна отразила в состоянии внутренней структуры партии глубоко китайский склад ума, касается ли это методов или идеологических взглядов. По сути дела, Мао Цзэдун и его последователи <...> доказали совершенно непредвиденную кремлевской иерархией истину, что подобные непролетарские революции могут быть успешными вне зависимости от восстания городского пролетариата, а лишь на базе организованного крестьянства как главной силы” [19].

Конечно, далеко не все устраивало Мао в этой статье. Наиболее неприятными были сравнения с Тито и намеки на несостоятельность оценок И.В. Сталиным характера китайской революции. К этому следует добавить то, что ранее Э. Сноу в подготовленной им биографии Мао Цзэдуна утверждал, будто глава Компартии Китая более склонен к национализму, чем интернационализму [Автобиографию Мао Цзэдуна см.: 22, р. 123–154].

О специфике отношения китайского лидера к СССР еще в начале 1940-х гг. информировал И.В. Сталина его представитель в Яньани П.П. Владимиров. В самый трудный момент Великой Отечественной войны, когда немецкие войска прорвались к Волге, Мао Цзэдун и его окружение даже не помышляли о том, чтобы, если не оказать помощь, то хотя бы выразить словесную поддержку СССР. Они вели себя с удивительной веселостью, бравадой и цинизмом, рассуждая о возможности “поражения СССР”. Как только заходила речь о возможном нападении Японии на Советский Союз и действиях Народно-освободительной армии в этой ситуации, Мао уходил от обсуждения и не связывал себя никакими обещаниями [11, с. 34].

Одним словом, визит предстоял долгожданный, но не легкий. Следует также отметить, что это вообще был первый выезд главы нового Китая за пределы страны. 26 декабря, в дни чествования И.В. Сталина, Мао Цзэдуну исполнилось 56 лет. Он вышел на арену мировой политики как лидер Китайской Народной Республики, уже имея за плечами известный дипломатический опыт переговоров с представителями США, зачастившими в Яньань в 1944–1945 гг. На контакты с зарубежными деятелями неизменно накладывали особый отпечаток актерские черты его характера. Рассказывая о Мао как о человеке, А.А. Громыко отмечал, что, “если отвлечься от его теоретических установок, от его мировоззренческих концепций и особых взглядов в политике, то перед вами предстанет человек в общем любезный и даже обходительный. Мао понимал шутку и сам к ней прибегал. Старую китайскую философию он считал своим родным домом, основательно ее штудировал и говорил об этом. Со знанием ссылался на авторитеты. Мао Цзэдун уважал собеседника, который мог с ним потягаться в обсуждении проблем, но когда дело доходило до острых вопросов политики, то у него на лице появлялась маска. Мао тут же становился другим человеком. На моих глазах в Пекине он просидел весь обед рядом со своим главным гостем — Хрущевым, сказав не более десятка протокольных слов. Мои усилия и в какой-то степени усилия китайского министра Чэнь И положение не выправили” [2, с. 134].

В Москву поезд Мао Цзэдуна прибыл 16 декабря. Председатель Центрального народного правительства КНР сразу же, на Яро-

славском вокзале, выступил с речью, в которой отметил большое значение дружественных советско-китайских отношений и дал высокую оценку поддержке, оказываемой СССР его стране. Китайский лидер подчеркнул равноправие связей двух стран и тот факт, что СССР первым из иностранных государств отменил неравноправные договоры с Китаем [13, с. 228].

На ближней даче И.В. Сталина в Кунцево Мао Цзэдуна отвели на втором этаже большую комнату, в которой в свое время жил У. Черчилль, приезжавший в СССР во время войны. А когда в Москву прибыл Чжоу Эньлай, Мао переехал в Кремль, чтобы удобней было встречаться с членами всей китайской делегации.

Тогда же в журналистских кругах распространилась версия, будто И.В. Сталин как опытный дипломат в связях с Востоком якобы не спешил принять Мао Цзэдуна, “выдерживал” его две недели, и поэтому китайский лидер долгое время жил в Москве как бы в изоляции, смотря на домашнем экране фильмы о Советском Союзе. Через 40 лет данная версия была опровергнута Н.Т. Федоренко, который вместе с китайским переводчиком Ши Чжэ переводил тогда беседы И.В. Сталина с Мао Цзэдуном [17, с. 151].

В настоящее время и рассекреченные архивные документы со всей очевидностью говорят, что первая встреча И.В. Сталина с Мао Цзэдуном и начало переговоров двух лидеров состоялись незамедлительно, 16 декабря, т.е. в конце того дня, когда Мао прибыл в Москву. Полная запись той первой беседы была опубликована в российских изданиях [13, с. 229–231]. Вместе с другими 50 документами, взятыми из этого сборника, она была переиздана и американскими исследователями роли Китая в “холодной войне”. Ее включили в раздел «К саммиту через встречи уполномоченных: новые свидетельства из советских и китайских архивов о “великом походе” Мао в Москву» специального Бюллетеня, издаваемого Центром Вудро Вильсона в Вашингтоне [21]. В КНР этот документ пока еще не рассекречен.

В ходе той беседы первым вопросом, который задал Мао Цзэдун, был вопрос об обеспечении мира. И.В. Сталин ответил: “Мир зависит от наших усилий. Если будем дружны, мир может быть обеспечен не только на 5–10, но и на 20 лет, а возможно, и на более продолжительное время” [13, с. 229].

Тогда Мао Цзэдун обозначил вторую проблему (по-видимому, используя домашнюю заготовку). Он заявил: “После возвращения Лю Шаоци в Китай в ЦК КПК обсуждается вопрос договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между Китаем и СССР”. Для советской стороны этот вопрос не был новым, еще на встречах с А.И. Микояном во время его визита в Китай, а также с делегацией, возглавлявшейся Лю Шаоци в Москве, китайская сторона затрагивала эту тему. Вот что заявила 4 июля 1949 г. китайская делегация:

“Мы собираемся пересмотреть каждый договор и каждое соглашение, которые были заключены гоминьдановским правительством с иностранными государствами. При этом мы будем придерживаться следующего принципа: мы готовы признать и принять к дальнейшему выполнению все договоры, которые были заключены в интересах китайского народа, мира и демократии во всем мире, например, статут ООН, Каирскую декларацию, Договор о дружбе и союзе между Китаем и СССР” [13, с. 160]. Таким образом, Советско-китайский договор от 14 августа 1945 г. предполагалось оставить в силе.

Но эта позиция не устраивала Мао Цзэдуна. Во-первых, договор был заключен не с ним, а с его противником — Чан Кайши. Во-вторых, в соответствии с этим договором был признан суверенитет МНР, которую он мечтал вернуть в лоно Китая. Хотелось бы решить проблемы Порт-Артура и железных дорог в Дунбэе.

И.В. Сталин, конечно, был заинтересован в укреплении отношений нашей страны с Народным Китаем, поэтому он спокойно ответил, что “этот вопрос можно обсудить и решить”. Решение же он видел в том, чтобы выяснить, “следует ли объявить о сохранении существующего Договора о союзе и дружбе между СССР и Китаем от 1945 г., или заявить, что будут внесены изменения, или же теперь внести в него соответствующие поправки”.

Далее советский лидер объяснил, что “этот договор был заключен между СССР и Китаем в результате Ялтинского соглашения, предусматривавшего главные положения договора (вопрос о Курильских островах, Южном Сахалине, Порт-Артуре и др.). Это означает, что указанный договор заключался, так сказать, с ведома Америки и Англии. Имея в виду это обстоятельство, мы в своем узком кругу решили пока не изменять никаких пунктов этого договора, так как изменение хотя бы одного пункта могло бы дать Америке и Англии юридический повод поставить вопрос об изменении пунктов договора, касающихся Курильских островов, Южного Сахалина и др. Поэтому было найдено возможным формально сохранить, а фактически изменить существующий договор, т.е. сохранить формально право Советского Союза на содержание своих войск в Порт-Артуре, но по предложению Китайского правительства вывести находящиеся там части Советской Армии. Такую операцию можно было бы проделать по просьбе китайской стороны” [13, с. 230].

Вторая встреча И.В. Сталина с Мао Цзэдуном произошла только 22 января 1950 г. Дело в том, что высокий китайский гость с трудом акклиматизировался в зимней Москве. 1 января 1950 г. с Мао Цзэдуном беседовал посол Н.В. Рошин. Китайский лидер просил передать советскому руководству: “Состояние моего здоровья после двухнедельного отдыха стало лучше. Последние



четыре дня я уже сплю нормально по 8 часов в сутки, не принимая никаких специальных для сна лекарств. Чувствую себя гораздо бодрее, но, выходя на прогулку, не могу пробыть больше, чем четверть часа на воздухе, — кружится голова. В связи с этим я намерен отдохнуть еще одну неделю в полном покое и окончательно восстановить нормальный сон” [13, с. 249]. Выезжая из Пекина, Мао Цзэдун рассчитывал пробыть в СССР три месяца, но в связи с большим объемом работы в Китае решил сократить этот срок до двух месяцев, учитывая, что от Москвы до Пекина еще надо ехать поездом 11 дней. Он намеревался вернуться в столицу КНР 6 февраля [13, с. 266].

Через несколько дней после первого раунда переговоров с И.В. Сталиным, 6 января 1950 г., состоялась встреча Мао Цзэдуна с министром иностранных дел А.Я. Вышинским, в конце которой вновь был поднят вопрос о договоре. Председатель Китайской компартии заявил, что он все более “приходит к убеждению о необходимости заключения нового договора о дружбе и союзе” между КНР и СССР. Пересмотреть существующее соглашение между двумя государствами следовало, по его мнению, в связи с новым характером отношений между ними после победы революции, а также в связи с тем, что два таких важных компонента договора, как Япония и Гоминьдан, претерпели кардинальные изменения. Япония перестала существовать как военная угроза, а Гоминьдан оказался разбитым. Еще одним аргументом в пользу отказа от существующего договора, по мнению Мао Цзэдуна, было недовольство им китайского народа [13, с. 559].

В середине января состоялась короткая поездка Мао Цзэдуна в Ленинград. 17 числа он возвратился в Москву и переехал с дачи в Кремль.

На встрече 22 января И.В. Сталин сам поставил вопрос о договоре между двумя странами. Он отметил, что, обсудив ситуацию, советское руководство пришло к выводу о необходимости пересмотреть все соглашения с Китаем, включая и договор. “Существующие соглашения, в том числе договор, следует изменять, поскольку в основе договора лежит принцип войны против Японии, — сказал он Мао Цзэдуну. — Поскольку война окончена и Япония оказалась разбитой, положение изменилось, и теперь договор приобрел характер анахронизма”. И сразу же Мао Цзэдуну был задан вопрос, имеется ли у китайской стороны проект нового договора [13, с. 267]. “Мы еще не имеем конкретно разработанного проекта договора и имеем лишь некоторые наброски”, — ответил Мао Цзэдун.

После краткого обмена мнениями по поводу угроз со стороны Японии и империалистических держав китайский руководитель все же в общей форме коснулся содержания будущего договора.

Он подвел итог своим размышлениям: “Новый договор должен включать вопросы политического, экономического, культурного и военного сотрудничества. Наиболее же важным вопросом будет экономическое сотрудничество” [13, с. 267]. Подготовку договора стороны решили поручить А.Я. Вышинскому и Чжоу Эньлаю.

В ходе переговоров было решено создать смешанные акционерные общества в Синьцзяне — “Совкитнефть” и “Совкитметалл”. Были назначены специальные делегации для обсуждения конкретных мер. Советскую делегацию возглавлял А.А. Громыко, китайскую — Сайфуддин Азизи. “После нескольких встреч делегаций в Москве, — вспоминал А.А. Громыко, — выяснилось, что китайская сторона фактически изменила свою позицию. Когда я доложил о положении на Политбюро, Сталин сразу понял, что китайская сторона не желает сотрудничать. На заседании он крепко с сильным резонансом высказался по этому поводу” [2, с. 130].

Позже Н.С. Хрущев отмечал, что И.В. Сталин сделал серьезную ошибку, предложив создать общество для эксплуатации природных ресурсов Синьцзяна. Китайская сторона приняла это предложение без возражений, но была недовольна. Мао Цзэдун рассматривал эту инициативу как вторжение на китайскую территорию, покушение на независимость страны. По мнению Н.С. Хрущева, И.В. Сталин посеял тогда зерна враждебности, антисоветизма и антирусских настроений в Китае [20, р. 274]. “Этот эпизод, — отмечал А.А. Громыко, — при создании советско-китайских смешанных обществ отнюдь не украшал в целом отношения между СССР и КНР” [2, с. 130]<sup>3</sup>.

Церемония подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи состоялась во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца 14 февраля 1950 г. Заключение Договора имело огромное значение для развития советско-китайских отношений<sup>4</sup>. Рассказывая в Пекине об итогах московских переговоров, Мао Цзэдун 11 апреля 1950 г. говорил: “Новый советско-китайский договор и соглашения юридически закрепили дружбу между велики народами Китая и Советского Союза, дали нам надежного союзника. Они облегчили нашу работу в области внутреннего строительства и совместное противодействие возможной империалистической агрессии во имя сохранения мира во всем мире” [3].

Всекитайское собрание народных представителей единодушно одобрило Договор. В нем обе стороны выразили стремление укреп-

---

<sup>3</sup> Советско-китайские смешанные общества были ликвидированы по инициативе СССР в октябре 1954 г. [6, с. 90].

<sup>4</sup> Ход переговоров о замене советско-китайского Договора 1945 г. новым международно-правовым актом, текст Договора 1949 г. и сопутствовавших ему документов см.: [13, с. 228–233, 243–313].

лять длительный мир и всеобщую безопасность на Дальнем Востоке и во всем мире, развивать экономические и культурные связи между двумя странами. В соответствии с коренными интересами народов Советского Союза и Китая в основу Договора были положены принципы равноправия, учета взаимных интересов, уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, проведения консультаций по всем важным международным вопросам.

Несмотря на эмбарго, введенное многими капиталистическими странами на торговлю с Китаем, внешнеэкономические связи страны успешно развивались. К концу 1950-х гг. половина внешнего товарооборота КНР приходилась на Советский Союз, а на все социалистические страны — три четверти.

Одновременно с заключением Договора стороны подписали Соглашение о предоставлении КНР долгосрочного кредита на сумму 300 млн. долл. США<sup>5</sup>. Этот кредит использовался для оплаты поставок из Советского Союза оборудования и материалов для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, оборудования шахт для добычи угля и руд, железнодорожного и другого транспортного оборудования, рельсов и других материалов для восстановления и развития народного хозяйства КНР. Стороны подписали также соглашения, касающиеся Китайско-Чанчуньской железной дороги (КЧЖД), военно-морской базы Порт-Артур и порта Дальний.

Несмотря на собственные трудности Советский Союз мобилизовал значительные ресурсы для оказания помощи КНР. Дело в том, что в результате длительной войны сопротивления японской агрессии и последовавшей затем гражданской войны уровень промышленного производства в Китае к 1949 г. сократился в 2 раза. При восстановлении промышленности и транспорта страна особенно нуждалась в черных металлах, так как в китайской металлургической промышленности производство чугуна сократилось до 13%, стали в слитках — до 17%, проката — до 18% [14, с. 107].

Только в 1950–1952 гг. КНР получила от Советского Союза 943 тыс. тонн этих металлов, что составляло около 40% ее собственного производства. За те же годы Советским Союзом было поставлено 1,5 млн. тонн нефтепродуктов, в том числе почти 1 млн. тонн керосина и бензина, собственное производство которых

---

<sup>5</sup> В Соглашении сумма кредита в рублях не была установлена. Пересчет в рубли был произведен после 1 марта 1950 г., когда был установлен новый курс рубля и 1 амер. долл. стал равен 4 руб. Таким образом, кредит был равен 1 млн. 200 тыс. рублей. Китайская финансовая система переживала тяжелейший кризис: в мае 1949 г. стоимость 1 амер. долл. приравнивалась к 40 млн. кит. долл. — фаби. [14, с. 304, 307].

в КНР в 1950—1952 гг. не превышало 287 тыс. тонн. Многие советские заводы и фабрики перестраивали свое производство для выполнения заказов КНР. Советский Союз выделял для Китая новейшее оборудование, нередко за счет временных недопоставок собственным предприятиям. Уже с 1951 г. широкие масштабы приобрела советская научно-техническая помощь Китаю, начались поставки комплектного оборудования.

Неотложные нужды строительства экономики КНР определяли структуру и характер китайского импорта из СССР. Промышленное оборудование стало главной статьей вывоза, его стоимость возросла с 165,3 млн. руб. (10,6%) в 1950 г. до 609,4 млн. руб. (27,7%) в 1952 г. При этом неуклонно возрастали объемы поставок комплектного оборудования, что создавало возможность полностью оснастить новые или реконструируемые предприятия необходимыми станками, машинами, приборами и разного рода техникой [14, с. 311].

Эта помощь была предоставлена китайскому народу в тот момент, когда 18 мая 1951 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН была принята американская резолюция о введении эмбарго на торговлю с КНР.

В первые годы своего существования молодое государство нуждалось не только в материальной помощи — ощущалась нехватка опытных кадров, способных восстановить и наладить народное хозяйство. И в этом отношении Советский Союз своевременно пришел на помощь китайскому народу, направив в КНР опытных специалистов в области управления и планирования, научных работников, инженеров, военных и международных, готовивших работников дипломатической службы Китая<sup>6</sup>.

Немалое значение в накоплении опыта хозяйственной работы и укреплении государственного сектора КНР имела деятельность смешанных советско-китайских обществ и предприятий, в последующем переданных в полную собственность Китая. К концу 1952 г. СССР безвозмездно передал КНР все права по совместному управлению КЧЖД и все принадлежавшее ей имущество. С 1 января 1955 г. Советским Союзом была передана также его доля участия в Обществе по добыче цветных и редких металлов, Обществе по строительству и ремонту судов в г. Дальнем и в Обществе для организации и эксплуатации гражданских воздушных авиалиний. Передача состоялась на условиях погашения советской доли участия поставками в течение ряда лет товаров обычного китайского экспорта.

СССР безвозмездно передал КНР все имущество, приобретенное после 1945 г. советскими хозяйственными организациями у японских

---

<sup>6</sup> Запись бесед И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе—сентябре 1952 г. по вопросам советско-китайских отношений [13, с. 315—335].

собственников; все здания бывшего русского военного городка в Пекине; все сооружения (в том числе и построенные после 1945 г.) в районе военно-морской базы Порт-Артур.

По мере укрепления собственной экономической базы СССР планомерно увеличивал и масштабы сотрудничества с Китаем. Из 600 главных народнохозяйственных объектов, сооружавшихся в КНР в годы первой пятилетки (1953–1957 гг.), 211 наиболее крупных строились при содействии Советского Союза. По китайским данным, около 44% капиталовложений в промышленность приходилось именно на эти 211 предприятий (в их числе Аньшаньский металлургический комбинат, Чаньчуньский автомобильный завод, завод электроэнергетического оборудования в Харбине и т.д.). Советский Союз поставлял Китаю самое совершенное оборудование и машины, которых в ряде случаев еще не было на предприятиях в СССР.

Тысячи советских специалистов в те годы самоотверженно трудились в различных отраслях народного хозяйства Китая, передавая свой опыт братскому народу. С их участием и помощью был разработан план ирригационных сооружений на р. Хуанхэ, частые разливы которой наносили большой ущерб, и построен трехкилометровый мост. Специалисты из СССР помогли организовать различного рода курсы, на которых они вели подготовку научно-технических кадров для промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Ими были организованы научно-исследовательские институты и лаборатории, они вели преподавание в ведущих университетах Китая. “Нет ни одной отрасли новодемократического строительства, — отмечал в декабре 1952 г. журнал “Народный Китай”, — в которой не применялся бы в самом широком масштабе богатый советский опыт” [12, с. 3].

Всего за 1950–1959 гг. советское государство оказало КНР содействие в восстановлении, строительстве и реконструкции более 400 промышленных предприятий, отдельных цехов и других объектов, в том числе 12 металлургических комбинатов с общей производственной мощностью в 30 млн. тонн стали, 28 млн. тонн чугуна, 25 млн. тонн проката. Построенные при содействии СССР 256 новых промышленных предприятий, отдельных цехов и других объектов могли производить в год 8,7 млн. тонн чугуна, 8,2 млн. тонн стали. На их долю приходилось 70% производства олова, 100% синтетического каучука, 25–30% электроэнергии, 80% грузовых автомобилей и тракторов. При содействии СССР в короткий срок были созданы новые отрасли промышленности: авиационная, автомобильная, тракторная и многие другие.

Основу оборонной промышленности КНР составили предприятия, построенные при многосторонней советской помощи. “Наряду с осуществлением общей программы экономического

сотрудничества с Китаем Советский Союз в 1950-х гг. участвовал в строительстве более 160 предприятий военной промышленности. С 1950 по 1963 г. были дополнительно построены и пущены в эксплуатацию более 70 крупных военных предприятий. Кроме того, Китаю была предоставлена богатейшая техническая документация и направлены для оказания содействия тысячи советских военных специалистов. Это позволило Китаю заложить основы ВПК и наладить производство новейшей по тем временам военной техники”, — отмечают эксперты [5, с. 6].

В общей сложности СССР предоставил КНР кредиты на сумму 1 млрд. 816 млн. инвалютных руб., которые были предназначены для экономического развития и укрепления обороны страны. Советские кредиты предоставлялись Китаю на льготных условиях — наивысшая ставка по ним не превышала 2% годовых, а погашение осуществлялось поставками товаров традиционного китайского экспорта. В 1960-е гг. Китай погашал кредиты главным образом товарами народного потребления, которые не имели большого значения для народного хозяйства страны и сбыт которых на других рынках был затруднен ввиду их невысокого качества и низкой конкурентоспособности.

Для Китая как отсталой в экономическом отношении страны огромное значение имело сотрудничество с СССР в области подготовки технических и научных кадров. В 1959–1960 гг. в КНР работали в общей сложности более 10 тыс. советских специалистов. По оценке западных экспертов (опубликованной в польской печати), расходы и стоимость их работы составили приблизительно 500 млн. долл., в то время как китайская сторона возместила Советскому Союзу всего 55 млн. руб.

С 1951 по 1962 г. в СССР прошли подготовку около 1 тыс. китайских ученых, завершили обучение более 11 тыс. студентов и аспирантов. Свыше 10 тыс. китайских инженеров, техников, рабочих прошли практику на советских предприятиях.

Только с 1954 по 1963 г. Советский Союз практически безвозмездно передал Китаю более 24 тыс. комплектов научно-технической документации, в том числе проекты 1400 крупных предприятий. Дело не только и не столько в их фактической стоимости — значение их для Китая выходит далеко за рамки чисто экономических соображений. В тех материалах был сконцентрирован многолетний опыт советского народа, научной и технической интеллигенции, который невозможно оценить ни в рублях, ни в юанях. Подобную документацию КНР не мог получить нигде, передача ее была выражением интернациональной солидарности Советского Союза с китайским народом. Нет нужды доказывать, что сотрудничество с СССР полностью отвечало жизненным интересам Китая и принесло ему богатые плоды.

Новая модель отношений, к которой два наших государства пришли на рубеже XX и XXI вв., создавалась на протяжении нескольких этапов — от признания важности многих принципов, заложенных в истории отношений двух стран (1991 г.), к урегулированию имевшихся пограничных проблем и признанию обоюдной заинтересованности в конструктивном взаимодействии, обращенном в XXI век (1992—1994 гг.). Наконец, в 1996 г. появилась формула — доверительное, равноправное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI в.

Структурообразующим элементом модели стратегического партнерства стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный лидерами двух стран в Москве 16 июля 2001 г. Автору представляется, что на сегодняшнем этапе этот краеугольный камень наших отношений можно было бы обновить и усовершенствовать. Не потому, что жизнь показала какие-либо его недостатки, а в связи с тем, что, как показывает практика, изменилась в целом система международных отношений. И мы стоим на пороге ее новых существенных изменений. Регулирующие международно-правовые акты не должны отставать от этих перемен.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воспоминания о Ван Цзясяне. Пекин, 1986 (на кит. яз.).
2. *Громько А.А.* Памятное. В 2 кн. Кн. 2. М., 1988.
3. Жэньминь жибао, 13.04.1950.
4. *Казанин М.И.* В штабе В.К. Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925—1927 гг. М., 1966.
5. *Каменов П.* От “третьей линии” к мировому уровню. Китайский опыт реформ военно-промышленного комплекса // *Время новостей*. 16 августа 2007 г.
6. *Катица М.С.* Три десятилетия — три политики. М., 1979.
7. Коминтерн и Восток. М., 1969.
8. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937—1952. М., 1999.
9. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. В 4 т. Т. II. Пекин, 1969.
10. *Мясников В.С.* Россия и Китай. 400 лет межгосударственных отношений. Нью-Йорк, 2001.
11. *Мясников В.С.* Мао Цзэдун // *Квадратура китайского круга. Избранные статьи*. В 2 кн. Кн. 1. М., 2006.
12. Народный Китай. 1952. № 23.
13. Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. В 5 т. Т. V. Кн. 2. Советско-китайские отношения. 1949 г. — февраль 1950 г. М., 2005.

14. *Сладковский М.И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957.
15. *Тихвинский С.Л.* Переписка И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 г. // Новая и новейшая история. 1964. № 4–5.
16. *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996.
17. *Федоренко Н.Т.* Сталин и Мао: беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 149–164.
18. *Ши Чжэ.* Сопровождая Председателя Мао // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 140–142.
19. China Weekly Review, 09.04.1949.
20. Khrushchev Remembers: The Last Testament. N.Y., 1976.
21. *Radchenko S., Wolff D.* To the Summit via Proxy-Summits: New Evidence from Soviet and Chinese Archives on Mao's Long March to Moscow, 1949 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 16. Fall 2007/ Winter 2008. Washington, D.C., 2008. P. 105–182.
22. *Snow E.* Red Star over China. New York, 1944.